

ФИЛОСОФИЯ

УЧЕБНИК

**Пятое издание,
переработанное и дополненное**

Под редакцией
профессора В.Д. Губина,
профессора Т.Ю. Сидориной

Министерство образования и науки РФ

Рекомендовано Научно-методическим советом
по философии Минобрнауки РФ в качестве учебника
по дисциплине «Философия» для студентов гуманитарных
и социально-экономических специальностей
и направлений подготовки

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ГЭОТАР-Медиа»
2016

Глава 12

ОНТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ

МЕТАФИЗИКА И ОНТОЛОГИЯ

Метафизика — наука о сверхчувственных принципах и началах бытия. Метафизические проблемы есть во всех областях знания, везде мы сталкиваемся с тем, что недоступно разуму, с неким нерастворимым остатком — в познании человека, истории, природы. Например, принцип причинности полагает неявно, что если все в мире связано причинно-следственными связями, то последовательность причин неизбежно уходит в бесконечность и предполагает первую причину, скажем, Бога, т.е. тот уровень, о котором мы ничего не можем сказать в рамках рационального описания. Или проблема человека: можно объяснить факт его рождения физико-химическими и биологическими закономерностями, но появление живого человека всегда остается непостижимым чудом.

Метафизическое сознание, культивируемое любой подлинной философией, так воспринимает мир, что позади всякой вещи и всякого явления видит с полной очевидностью бесконечные, недоступные нам дали и глубины. В сравнении с метафизическим сознанием всякое эмпирически-рациональное знание, всякое интеллектуальное обладание чем-либо, как определенным и ограниченным бытием, есть лишь производный, фрагментарный, частный отрезок.

Онтология — учение о бытии как таковом. Иногда онтология отождествляется с метафизикой, но чаще всего рассматривается как ее основополагающая часть, как метафизика бытия. Впервые этот термин стал употребляться в философии Х. Вольфа — предшественника И. Канта.

В философии со времен античности различают бытие и сущее. Сущее — совокупность окружающих вещей. Но среди многообразия вещей можно найти то, что является общим для них всех, такой нейтральный признак всего мира (сущего вообще), заключающийся в том, что он — мир — вообще существует. Это выражено в понятии бытия. Почему вообще что-либо есть, и на чем держится это «есть»? Что является его причиной? Бытие — последнее, о чем допустимо спрашивать, но оно не может быть определено традиционным образом. Все исторически дававшиеся определения бытия были мнимыми. В любой проблеме, особенно это касается духа, сознания, материи, есть что-то последнее, что само не может быть определено.

Бытие — это чистое существование, не имеющее причины, бытие — причина самого себя, самодостаточное, не к чему не сводимое, не из чего не выводимое. Это действительность в полном смысле слова, ибо все остальное, имеющее внешние причины, — не в полном смысле слова действительность, не в полном

смысле слова существует. Поскольку бытие открывается только человеку и через его мышление, то постижение бытия — попытка приобщиться к истинному существованию, обретение самобытности, свободы.

Некое общее свойство бытия можно назвать самодостаточностью. Есть такое выражение в древнегреческой философии: мудрый человек не делает ошибок. Он не делает ошибок не потому, что он точно знает — что такое хорошо и что такое плохо, он просто находится в особом мудром состоянии, в особой стихии, когда он просто не может совершить ошибку. Потом в христианстве это выразилось в положении: для святого нет закона. Святому не нужно знать законы, находясь в стихии святости, в бытии, он никогда не совершит дурного поступка. Как птица летает, не зная законов аэродинамики, не думает — махну я сейчас левым крылом, а потом правым, она просто летит и это у нее получается красиво и неповторимо.

Есть в технике самурайского владения оружием такой прием, когда одним взмахом можно отбить удары восьми сабель. Сознательным расчетом этого сделать нельзя, нужно так вработаться, установиться в своих бойцовских качествах, в стихии борьбы, чтобы она сама автоматически через тебя срабатывала. Но это относится к любому делу, будь то труд, поэтическое творчество, нравственная жизнь.

Первым мыслителем, поставившим проблему бытия, был древнегреческий философ **Парменид**. До него предметом изучения в античной науке и философии были существующие вещи, но не сущее как таковое. Бытие, согласно Пармениду, это то, что является причиной всего и ни отчего не зависит, оно не возникает и не исчезает, оно существует всегда, иначе оно не было бы бытием, а зависело бы от чего-то, что дало ему возможность возникнуть. Бытие неделимо — либо оно есть, либо его нет, следовательно, оно не может быть больше или меньше, оно здесь и сейчас, его не может быть завтра или вчера, оно целокупно и неподвижно. Про него невозможно сказать, что оно развивается, поскольку оно в каждый момент самодостаточно, оно завершено, закончено, существует в строгих границах и похоже на совершенно круглый шар, любая точка которого равно отстоит от центра, шар, центр которого везде, а периферия нигде.

То, что здесь говорится о бытии, мы можем приблизительно понять через такие проявления его в нас, через такие «бытийственные» характеристики, как совесть, любовь, честь, ум и т.д. Скажем, не может быть совести на пятьдесят процентов, совесть неделима, либо она есть, либо человек бессовестный, нельзя быть совестливым завтра или вчера, можно только здесь и теперь, совесть не развивается, не становится лучше или хуже, и совесть, наконец, не имеет причин во внешних эмпирических обстоятельствах: поступил по совести, потому что просто не могу иначе, нет никаких других внешних причин. К тому же мысль о совести и сама совесть — это одно и то же, совесть дана нам только в мыслях, больше ее нигде нет и только находясь в состоянии совести способен человек о ней мыслить.

В связи с этим ясно, что бытие — это не только окружающий нас материальный мир, совокупность вещей или какая-то высшая нематериальная субстанция — Бог или мировой разум и т.д. Все это только проявления бытия. Бытие как таковое открывается нам, становится доступным для нашей мысли, когда

мы находимся в особом специфическом бытийном состоянии — состоянии совести или любви (любви также не бывает на пятьдесят процентов, для нее также нет никаких материальных причин и т.д.), в таком состоянии ума (а не просто знания), когда приходят мысли и слова, в которых звучит голос бытия. Такие мысли нельзя вызвать усилием воли, такие слова нельзя придумать. Бытие — это то, что всегда уже есть, оно может только открыться нам, если мы предпримем усилие, и если нам повезет попасть в соответствующее состояние. Все остальные философские проблемы имеют смысл и значимость постольку, поскольку на них падает отблеск бытия.

Если до Парменида философы размышляли о существующих вещах, то он первый начал размышлять о сущем как таковом, что, собственно, и было началом философии. Теперь философы стремились познать и объяснить то, что в принципе не могло быть предметом опыта, что отсутствовало среди существующих вещей и отношений, что можно познать только мыслью и, следовательно, мысль сама по себе, как они утверждали, может познать истину. Парменид открыл новое измерение универсума, которое было несводимо к природе — ни к окружающему миру, ни к природе человека. Бытие и мысль сливаются, потому что их определения совпадают. И тем не менее в современной философии, помимо такого общего подхода к бытию, многие мыслители выделяют различные виды или манифестации бытия: бытие окружающего нас предметного мира, бытие человека, бытие сознания, социальное бытие. Все эти виды и подходы являются в строгом смысле слова нефилософскими.

Существует наивный, догматический взгляд на вещи, который в современной философии называется естественной установкой. Согласно ему, главной частью бытия является окружающий нас материальный мир, он и обладает основными признаками бытия — ни от чего не зависит, является причиной самого себя. Что может быть более значимым, чем Вселенная, в которой мы находимся, в которой одного незначительного сдвига, катаклизма достаточно, что бы нас уничтожить?

Но все, что мы знаем о мире, — это всегда знание о небольшой его части, отрезке. Даже если взять материальную Вселенную в целом, она кажется несамодостаточной, непонятны причины ее устойчивости, ее непрерывного изменения. Как при виде летящей стрелы возникает мысль о пославшей ее руке, так и при взгляде на Вселенную возникают мысли о более могучих, чем материальный мир, силах, сотворивших и поддерживающих его существование.

Человек, который придерживается естественной установки, никогда не задумывается об истоках наших знаний, поскольку не сомневается в существовании мира, в том, что мир именно таков, каким мы его видим в нашем повседневном опыте. Для него и вещь, естественно, не является проблемой. Вот камень, вот цветок, вот дом — все явлено в своей непосредственности, сомневаться в которой может лишь больной человек. Любая вещь вовлечена в причинно-следственные связи с другими вещами, существует во времени. Когда-то она возникла из определенного количества вещества в силу действия определенных причин. Для возникновения камня нужно определенное количество кристаллов, из которых состоит его масса, для дерева — питающая почва, семена, минеральные соли. Потом камень и вещи служат для порождения других вещей. Дерево — для забора, камень — для мощения дороги. В естественной установке

вещь интересна именно как совокупность причинно-следственных связей, сил, энергии, в ней заключенной, и т.д. Но философия разоблачает эту видимую непосредственность, показывая, что каждая вещь — это целая символическая мистерия, глубоко индивидуальная и непостижимая в своей индивидуальности, а данность внешнего мира — это всегда загадка, шифр, который нужно разгадать, и это важнейшая задача философии.

Существо вещи никогда не дает о себе знать, потому что ему чаще всего не дают слова. Не каждая вещь воспета поэтом или осмыслена философом. И тем не менее вещь — посредник между человеком и миром, между человеком и Богом. Она представляет целый мир, последний является горизонтом вещи, угадывается за ней, и потому всякая вещь по природе своей неисчерпаема и бесконечна. Она тысячами видимых и невидимых переходов связана со всеми частями мира. Неисчерпаемость вещи является свидетельством Божьего замысла о мире: мир устроен так, что тайна любой вещи является вызовом человеку, понуждающим его к постоянным попыткам раскрытия этой тайны. Бог пребывает во всех вещах в их интимной глубине. Человек совершенно справедливо подозревает, что это раскрытие поможет ему в самом главном — в понимании самого себя и своего места в этой бесконечной мистерии бытия.

Эту же недостаточность естественной установки можно видеть на примере времени. Существует время физическое, биологическое, психологическое, время культуры, время историческое (время жизни народов или эпох), но все попытки «объективного» описания времени как некоего непосредственно связанного с развитием материи процесса неизбежно упираются в метафизику.

С точки зрения метафизики время не есть какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую мне достаточно регистрировать, оно рождается из моей связи с вещами. В самих вещах будущее и прошлое пребывают в своего рода вечном предсуществовании и вечном постсуществовании; вода, которая будет проходить завтра, в настоящий момент уже есть (у истока), вода, которая только что прошла, тоже есть (чуть ниже, в долине). То, что для меня прошлое и будущее, присутствует в мире в настоящем. Часто говорят, что в самих вещах будущего еще нет, прошлого уже нет, а настоящее, строго говоря, есть не что иное, как некий предел, так что время рассыпается.

Объективный мир не способен нести время, прошлое и будущее существуют в мире не иначе, как избыток, они существуют в настоящем. Мир слишком полон, чтобы дать место времени. Прошлое и будущее сами по себе уходят из бытия и переходят на сторону человека. Если освободить объективный мир от наложенных на него человеком временных перспектив (ведь только человек может наметить, что произойдет с тем или иным предметом в будущем или что было с ним когда-то в прошлом), то в нем не останется ничего кроме «теперь». Более того, эти «теперь», не присутствуя ни для кого, лишены всякого временного характера и не могли бы образовать последовательности.

Мы полностью удерживаем время и присутствуем для себя, поскольку присутствуем в мире. Слово «время» имеет для нас смысл только потому, что мы существуем в прошлом, настоящем и будущем. Время — это буквально направление нашей жизни и, как и мир, доступно только тому, кто в нем расположен, и кто принимает его направление.

Поиски бытия в философии — это поиски человеком своего дома, преодоление своей бездомности и осиротелости, того, что К. Маркс весьма приблизительно назвал «отчуждением». Человек, вооруженный научным мышлением и мощным инструментариумом, убедился, что, даже построив самый мощный и большой телескоп, он ничего принципиально нового не найдет за звездными туманностями, что его взгляд обречен на блуждание в мертвой пустоте неизмеримых пространств. Не будет ему лучше и от того, что откроет математическая физика в мире бесконечно малого. За долгие века своей истории и бесконечных социальных экспериментов он убедился в невозможности построения рая на земле, даже в невозможности достижения более или менее счастливой жизни для большинства.

Поиски бытия — это поиски корней, прикоснувшись к которым, человек может почувствовать в себе силу для преодоления бессмысленности окружающего мира, мужество жить, несмотря ни на эту бессмысленность, ни на свою конечность, почувствовать себя необходимой частью бытия, не менее существенной и необходимой, чем окружающий мир. Поиски бытия помогут человеку почувствовать себя «пастухом бытия», которому завещана весть о бытии, и в этой вести и состоит основная задача его жизни. Эти поиски составляют незримый фундамент того, что человек называет наукой, искусством, религией, стремлением к счастью, любовью, совестью, долгом и т.д.

В первом приближении можно сказать, что бытие — это тайна, тайна здесь — не что-то глубоко спрятанное, что нужно открыть, чего нужно добиться. Тайна лежит на поверхности, ее нужно пережить или прожить, и тогда она в какой-то степени станет понятна — не знаема, но понятна. А для этого нужно иметь мужество идти к тому, чего в принципе нельзя знать. Понимание бытия, прикосновение к нему, осененность им преобразует, преображает человека, вырывая его из бессмысленного хаоса эмпирической жизни и делая самобытным, делая его самого бытием.

Философия, как писал знаменитый испанский философ XX в. Х.Ортега-и-Гассет, возникает не по причине полезности и не из беспричинного каприза. Она есть охота за единым. Мы бы сказали — за бытием. Почему, — спрашивал он, — мы не довольствуемся тем, что нам открывается в мире без всякой философии, тем, что уже есть и находится перед нами? Да просто потому, что все существующее и данное нам — это, в сущности, только кусок, осколок, фрагмент, обрубок. Глядя на него, нельзя не заметить, не почувствовать его изъяна. В любой данной нам вещи мы обнаруживаем, что это только часть, обнаруживаем глубокий след излома, видим рубец его онтологического увечья. Вглядываясь в любой предмет, мы обнаруживаем, что это только фрагмент, к которому необходимо домыслить другую, дополняющую его реальность. Даже если брать во внимание не предмет, а материю, которая, кажется, служит основой всего, то и тут возникает подозрение, что она не является самодостаточной, она не может сама положить начало своему существованию. Этим она обязана какой-то другой силе. То же происходит с реальностью внутри нас: в каждый момент мы видим лишь ничтожную часть нашего внутреннего бытия. Мы не видим нашего полного настоящего Я, которое скрыто от нас. Даже мир в целом, совокупность того, что нам дано, является лишь огромным, колоссальным фрагментом. Мир